

RU

Метафоры колющих, колюще-режущих и рубящих предметов/инструментов в политическом дискурсе (на материале немецкого языка)

Паульзен Н. С.

Аннотация. Данная статья посвящена изучению политических метафор в современном немецком политическом дискурсе. Целью исследования является выявление актуальных метафорических моделей колющих, колюще-режущих и рубящих предметов/инструментов в современной немецкой политической коммуникации для понимания их роли в формировании политических нарративов и влиянии на восприятие общественностью актуальных политических процессов. В статье кратко рассматриваются актуальные в современной лингвистике определения терминов «политический дискурс», «метафора» и «политическая метафора», что позволяет установить теоретическую базу для анализа их функций и особенностей в контексте политической коммуникации. Научная новизна исследования заключается в том, что в рамках данной статьи в результате анализа практического материала в политическом дискурсе Германии впервые выделяются метафорические модели колющих, колюще-режущих и рубящих предметов/инструментов, применяемые для описания стратегий политического воздействия, политического давления, конфликтов и процессов дестабилизации. В ходе исследования было выявлено, что в политическом дискурсе метафоры, связанные с колющими, с колюще-режущими и рубящими предметами/инструментами, различаются по своим семантическим характеристикам. Каждая из них выполняет специфическую когнитивно-речевую функцию, способствуя более глубокому пониманию и интерпретации политических конфликтов и стратегий.

EN

Metaphors of piercing, piercing-cutting, and chopping objects/tools in political discourse (based on German language material)

N. S. Paulsen

Abstract. This paper focuses on the study of political metaphors in contemporary German political discourse. The aim of the research is to identify relevant metaphorical models of piercing, piercing-cutting, and chopping objects/tools in contemporary German political communication in order to understand their role in shaping political narratives and influencing public perception of current political processes. The article briefly examines definitions of the terms “political discourse”, “metaphor”, and “political metaphor” relevant in modern linguistics, which establishes a theoretical basis for analyzing their functions and characteristics in the context of political communication. The research is novel in that it is the first one to identify metaphorical models of piercing, piercing-cutting, and chopping objects/tools, which are used to describe strategies of political influence, political pressure, conflicts, and destabilization processes, as a result of analyzing practical material in the political discourse of Germany. The research revealed that in political discourse, metaphors associated with piercing, piercing-cutting, and chopping objects/tools differ in their semantic characteristics. Each of them performs a specific cognitive-speech function, contributing to a deeper understanding and interpretation of political conflicts and strategies.

Введение

Актуальность исследования связана с изучением значимого аспекта немецкой картины мира – политической сферы Германии и её тесной взаимосвязи с языковыми средствами, а также с выявлением особенностей политической коммуникации через анализ метафорических выражений. Современный мир характеризуется множеством кризисов, вооружённых конфликтов и острых политических противостояний. Эти явления оказывают

глубокое влияние на международные отношения, внутреннюю политику государств и жизнь отдельных людей. В условиях нестабильности и неопределённости политический дискурс становится особенно богат эмоциональными и метафорическими образами, которые передают напряжённость и драматизм текущих событий. Германия, как один из главных игроков на европейской и мировой арене, сталкивается с многочисленными вызовами – от геополитической нестабильности до миграционных и экономических проблем. Эти обстоятельства находят отражение в её политическом дискурсе, который постоянно трансформируется, чтобы адекватно реагировать на происходящее и формировать общественное мнение.

Цель исследования сформулировала решение следующих задач:

- уточнить содержание терминов «политический дискурс», «метафора», «политическая метафора»;
- проанализировать метафорические модели, применяемые для описания стратегий политического воздействия, политического давления, конфликтов и процессов дестабилизации;
- рассмотреть семантические особенности данных метафорических моделей.

Настоящее исследование опиралось на метод анализа и синтеза научного материала для создания единой теоретической модели исследуемой темы, метод сплошной выборки для сбора языкового материала, представляющего немецкие метафоры в политическом дискурсе. Для семантического разбора изучаемых метафорических моделей был задействован компонентный анализ, позволивший выявить их смысловые аспекты. В целях исследования семантических особенностей метафор, актуализирующих колющие, режущие и рубящие предметы/инструменты в рамках политического дискурса, был применен дискурсивный анализ.

Материалом для исследования послужили аутентичные тексты на немецком языке из открытых онлайн-источников, таких как сайты немецкоязычных СМИ: RND, Deutschlandfunk, Ministerium des Innern des Landes Nordrhein-Westfalen, Ntv, KURIER, Euractiv, Die Tagespost. В процессе исследования нами были использованы следующие онлайн-сервисы: DWDS-Wörterbuch, Словари и энциклопедии на Академике, Statista и Sudexra.

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы, посвящённые изучению отечественных и зарубежных авторов, в которых рассматриваются политический дискурс и его особенности (Демьянков, 2002; Баранов, Казакевич, 1991; Кожемякин, 2010; Шейгал, 2004; Карасик, 2002; Трибунская, 2022; Соболев, Юдин, 2024; Dijk, Hacker, 2018; Michaels, 2013), а также работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2004), М. Шварц-Фризель (Schwarz-Friesel, 2015), посвящённые изучению сущности метафоры, её научному толкованию и механизмам, лежащим в её основе. Важным аспектом исследования явилось рассмотрение проблемы политической метафоры, её научного толкования, функций и механизмов воздействия в политическом дискурсе (Будаев, Чудинов, 2008; Сухомлина, 2021; Дреева, Кокоева, 2024; Елизаров, 2024).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов в гуманитарных вузах при преподавании специализированных курсов, посвящённых особенностям языка современных средств массовой информации.

Обсуждение и результаты

В связи с растущей мировой политической нестабильностью последних лет научное лингвистическое сообщество проявляет растущий интерес к анализу политического дискурса, который изучается и трактуется с разных точек зрения. Российские лингвисты, такие как А. Н. Баранов, Е. И. Шейгал, Е. А. Кожемякин и В. З. Демьянков, дают термину «политический дискурс» достаточно широкое толкование. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич понимают политический дискурс как «совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» (1991, с. 6). Е. И. Шейгал (2004, с. 23) включает в понимание политического дискурса разнообразные коммуникативные структуры, в которых агент, реципиент или тема относятся к политической сфере. Е. А. Кожемякин (2010, с. 346) рассматривает политический дискурс как деятельность по созданию и передаче смыслов, которая регулируется определёнными историческими и социокультурными традициями и направлена на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе. В. З. Демьянков, в свою очередь, отмечает, что «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость “политически правильных” действий и/или оценок» (2002, с. 37). В работах таких авторов, как В. И. Карасик (2002), Н. А. Трибунская (2022), Т. van Dijk, К. Hacker (2018), J. Michaels (2013), отмечается устойчивый набор характерных черт политического дискурса. Прежде всего, он рассчитан на массовую аудиторию и отличается повышенной эмоциональностью. В нём активно применяются различные методы воздействия на аудиторию, на читателя. Язык политиков часто сценичен, театрален – он яркий, динамичный и быстро меняется вслед за политической обстановкой. Отличительная черта политической коммуникации – это её конфликтная природа. Политическая речь по сути своей отражает борьбу идей и интересов, поэтому принципы политического противостояния неизбежно проявляются в каждом выступлении, интервью или заявлении. В данной статье вслед за И. Д. Соболевым и Н. О. Юдиным считаем, что политический дискурс может быть определен как «совокупность речевых актов (устных либо письменных), отраженных в текстах политического содержания, обладающих определенными признаками (конфликтность, манипулятивность и т. д.) и отражающих взгляды на ситуацию отдельных представителей политического процесса, стремящихся к достижению определенного результата (победы в выборной борьбе, снижения градуса политической напряженности, обострения политической ситуации и т. д.)» (2024, с. 4854).

Характерной особенностью политического дискурса является его высокая метафоричность, выражающаяся в постоянном применении метафор для интерпретации и понимания политических явлений и событий.

Метафора долгое время рассматривалась исключительно как стилистический прием, сводящийся к образному переносу названий по сходству внешних признаков. Однако современные исследования кардинально пересмотрели эту трактовку, раскрыв глубинные когнитивные механизмы метафорического мышления. Публикация книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» дала мощный толчок развитию когнитивной лингвистики, расширив представления о роли метафоры в мышлении и языке. Согласно концепции исследователей, метафора «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» (Лакофф, Джонсон, 2004, с. 389). Сегодня метафора понимается не просто как языковая фигура, а как фундаментальная модель человеческого мышления и восприятия мира. По мнению зарубежного лингвиста М. Шварц-Фризель (Schwarz-Friesel, 2015), метафоры являются одним из важнейших вербальных инструментов, с помощью которых абстрактные и сложные явления и области – включая когнитивные и социальные процессы, эмоции, технические инновации и идеологии – передаются в ясной и понятной форме. Следовательно, метафоры помогают нам структурировать опыт, осмысливать абстрактные понятия через призму более конкретных и знакомых образов, отражая тем самым глубинные когнитивные процессы, лежащие в основе понимания и коммуникации.

Т. А. Сухомлина в одной из своих работ отмечает, что «выразительность политической речи реализуется благодаря использованию в ней метафоры, эпитетов, игры слов и иронии. Механизм их действия заключается в осуществлении переноса коннотативных значений высказываний» (2021, с. 1847). Э. В. Будаев и А. П. Чудинов в своем научном труде «Метафора в политической коммуникации» подчеркивают, что «использование метафор нередко оказывается для политического лидера удачным способом “выразить многое, сказав немногое”, тонко влиять на настроения в обществе, представлять обществу новые идеи и одновременно вызывать интерес к своим выражениям» (2008, с. 5). По утверждению А. Б. Елизарова (2024, с. 42), важное значение в политической коммуникации имеет образный аспект метафоры, так как он обогащает и усиливает политическую риторику, придавая ей большую эмоциональность и образность. Это также способствует созданию определенных политически выгодных ассоциаций и представлений у целевой аудитории. Интересным для нашего исследования представляется определение, данное Д. М. Дреевой и А. Ф. Кокоевой: «...метафора, будучи, как известно, весьма продуктивным средством художественной выразительности, активно используется и в политических текстах, где она одновременно воздействует и на ментальную, чувственную и коммуникативную сферы реципиента и, усиливая экспрессивность высказывания, обеспечивает реализацию эмотивной функции в процессе политической коммуникации» (2024, с. 4298).

В Германии ключевыми политическими вопросами остаются иммиграция и проблемы беженцев, военные и вооружённые конфликты в мире, экономическая нестабильность и экологические вызовы (Statista). Для их решения страна применяет многоуровневый подход, объединяющий дипломатические усилия, санкционную политику и укрепление обороны для обеспечения безопасности. Эти факторы отражаются и в немецком политическом языке, который адаптируется к новым реалиям, выражая позицию государства и общества по актуальным вопросам. В результате анализа языкового материала нами было установлено, что в немецком политическом дискурсе регулярно используются метафоры, основанные на образах колющих, колюще-режущих и колюще-рубящих предметов/инструментов, с помощью которых осуществляются определённые действия. Традиционно колющими предметами называют узкие длинные предметы цилиндрической, конической или многогранной формы с острым концом. Таким предметом может быть шило, игла, заточка, гвоздь и проч. (Sudexpa). Колюще-режущие и рубящие предметы сочетают в себе заостренный край и режущую кромку, лезвие (одно или два) и часто значительный вес, например, финские ножи, кинжалы, штыки, мечи, клинзы, топоры, сабли и др. (Sudexpa). В ходе исследования мы выяснили, что данные предметы/инструменты не только выполняют физическую функцию, но и служат метафорическим обозначением различных стратегий и подходов в политическом дискурсе.

Так, например, в немецком политическом дискурсе такие колющие предметы, как *игла* или *булавка*, часто метафорически выступают как инструменты противодействия криминалитету, обостряющегося в контексте миграционных процессов и вопросов беженцев. В частности, в ходе исследования неоднократно фиксировалось использование метафоры *политика тысячи уколов иглой/булавкой* – *die Politik der tausend Nadelstiche*, которая служит концептуальным образом систематического и многоаспектного воздействия на проблемные явления в сфере правопорядка.

Приведем пример, в котором министр внутренних дел федеративной земли Северный Рейн – Вестфалия Герберт Райль сообщает, что борьба с клановой преступностью происходит с помощью так называемой *die Politik der kleinen Nadelstiche* – *политики тысячи уколов иглой/булавкой*:

(1) *Die Politik der tausend Nadelstiche ist eine von drei Säulen. Wir versuchen systematisch zu stören, bei kleinen Rechtsbrüchen zu zeigen: Der Staat ist da, hier kann niemand machen, was er will. Wir haben seitdem mehr als 1.600 Kontrollaktionen in Shisha-Bars und Wettbüros durchgeführt. Wir haben rund 4.000 Objekte durchsucht und fast 700 Personen in Gewahrsam genommen, über 2.000 Strafanzeigen und mehr als 4.000 (Ministerium des Innern des Landes Nordrhein-Westfalen).* / «Политика тысячи уколов иглой – одна из трёх основных стратегий. Мы последовательно вмешиваемся и даём понять, что даже при мелких правонарушениях государство присутствует и здесь никто не может творить беззаконие. С тех пор мы провели более 1 600 проверок в кальянных и букмекерских конторах, обыскали около 4 000 объектов, задержали почти 700 человек, составили свыше 2 000 уголовных дел и приняли более 4 000 административных мер» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Н. П.).

В примере (1) использование метафоры, основанной на образе тысяч иголок/булавки, помогает создать образ настойчивой, мелкой, но постоянной борьбы, которая истощает и не дает преступникам «расслабиться». С помощью данного образа эмоционально усиливается понимание того, что государство активно и эффективно контролирует ситуацию.

Примечательно, что метафоры, выражающие колющие предметы, используются не только для описания методов борьбы государства с клановой преступностью, но и для обозначения целенаправленных и сдержанных действий граждан в рамках протестов против каких-либо политических решений, подчёркивая стремление избежать эскалации и радикализации конфликта. Данные действия граждане также совершают с помощью колющих предметов, что подчеркивает как физическую, так и метафорическую значимость таких инструментов в контексте политической борьбы и протеста.

В примерах (2) – (3) речь идет о фермерских протестах в Германии. Фермеры протестуют против сельскохозяйственной политики федерального правительства. Одним из главных их требований является сохранение налоговых льгот на сельскохозяйственное дизельное топливо.

(2) Wenn wir aber weiterhin auf die Ignoranz stoßen, auf die wir momentan treffen, dann werden wir an der einen oder anderen Stelle sicherlich nochmal *einen kleinen verträglichen Nadelstich setzen* müssen. Einfach, um zu zeigen, dass wir noch da sind und nicht aufgeben werden (RND). / «Если же мы и дальше будем сталкиваться с тем же игнорированием, с которым сталкиваемся сейчас, то в том или ином месте нам, безусловно, придётся нанести ещё один небольшой, приемлемый укол – просто чтобы показать, что мы всё ещё здесь и не собираемся сдаваться».

В примере (2) выражение *einen kleinen verträglichen Nadelstich setzen* метафорически обозначает сдержанный приемлемый укол иглы и передаёт идею необходимости периодических напоминаний о себе, чтобы не быть проигнорированными.

(3) Dass die Landwirte und Landwirtinnen ihren Worten gern Taten folgen lassen, haben sie bewiesen. Sie müssen indes weiter darauf achten, ihren Protest nicht von populistischen oder rechten Kreisen kapern zu lassen. Seine Kolleginnen und Kollegen planten „*nadelstichartige Aktionen*“, wollten „aber in keinsten Weise eskalieren oder radikalisieren“, versicherte Rukwied (RND). / «Фермеры уже доказали, что им свойственно подкреплять слова делами. Вместе с тем им необходимо продолжать внимательно следить за тем, чтобы их протест не был присвоен популистскими или правыми группами. Его коллеги планировали “точечные акции”, но “ни в коем случае не намерены были эскалировать конфликт или радикализироваться”, – заверил Руквид».

В примере (3) словосочетание *nadelstichartige Aktionen* в переводе буквально обозначает действия, подобные булавочным уколам. Данная метафора также использует образ колющего предмета для обозначения точечных, контролируемых и умеренных действий, которые вызывают ощутимый, но не разрушительный эффект. Она подчёркивает намерение проводить аккуратные и сдержанные меры, способные обратить на себя внимание и произвести давление на адресата, при этом избегая эскалации и радикализации конфликта.

Также довольно часто в высказываниях немецких политических деятелей распространено использование метафор, основанных не только на образах колющих предметов в целом, но и на образах колюще-режущего и рубящего холодного оружия, таких как *Schwert – меч* и *Keil – клин*, которые служат когнитивными средствами для передачи смыслов, связанных с конфликтом, динамикой противостояния, раскола и стратегического давления. В соответствии со словарем DWDS, существительное *Schwert – меч*, кинжал обозначает колюще-режущее и рубящее оружие древности и Средневековья, имеющее длинный, прямой, широкий клинок, заточенный с одной или обеих сторон, рукоять которого снабжена защитным диском или перекладиной и навершием. Примечательно, что метафора меча или кинжала часто используется в политическом дискурсе для обозначения крайних и решительных мер в межпартийной борьбе, подчёркивая их острую, радикальную и зачастую исключительную природу как инструмента воздействия на оппонентов.

Немецкая политическая партия ультраправой популистской идеологии «Альтернатива для Германии» (АдГ; Alternative für Deutschland – AfD) уже не первый год вызывает острые споры на политической арене Германии из-за своих радикальных взглядов на миграцию, национальную идентичность и критику традиционных партий. Обсуждения и призывы к возможному запрету AfD время от времени возникают в политической и общественной среде, но официальных решений о запрете партии нет.

Приведем пример, в котором министр внутренних дел Германии Нэнси Фезер называет процедуру запрета партии *schärfste Schwert – «самым острым мечом»* – крайней мерой, которая может быть применена, но только если действительно есть веские основания:

(4) Ein Verbotsverfahren wäre das „*schärfste Schwert*“, das zur Verfügung stehe, sagte Faeser dem Südwestrundfunk. Sie schließe ein solches Verfahren nicht grundsätzlich aus. Es dürfe aber nicht der Eindruck entstehen, dass man nach einem Parteiverbot rufe, weil die Politik argumentativ nicht weiterkomme (Deutschlandfunk). / «В интервью радиостанции “Юго-Западное радио” (Südwestrundfunk) Нэнси Фезер заявила, что процедура запрета была бы “самым острым мечом”, который имеется в распоряжении, она не исключила возможность такого шага в принципе, однако подчеркнула, что нельзя создавать впечатление, будто призывы к запрету партии звучат лишь потому, что политика исчерпала все аргументы».

В данном контексте (пример 4) словосочетание *schärfste Schwert – острейший / самый острый меч* метафорически выступает символом силы, категоричности и крайности правовых мер в защите демократии. Использование прилагательного *scharf* в превосходной степени *schärfste* подчеркивает максимальную степень остроты и решительности меры, обозначая запрет как наиболее крайний инструмент, доступный в политическом арсенале.

Пример подобной метафорической модели можно встретить в заголовке статьи, посвящённой торговой политике президента США Дональда Трампа, где *scharfes Schwert* – *острый меч* символизирует агрессивные и болезненные тарифные меры – штрафные пошлины против Канады, Мексики и Китая как инструмент давления в международной торговле (пример 5):

(5) Trumps *scharfes Schwert*: Was es mit den Strafzöllen gegen Kanada, Mexiko und China auf sich hat (RND). / «Острый меч Трампа: суть пошлин против Канады, Мексики и Китая».

Метафору предмета/инструмента с острием мы встречаем в речи немецкого политика, представителя партии «Зеленые», депутата бундестага Паулы Пиххота. Согласно её мнению, партия АдГ сознательно ведет политику раскола, разногласий и конфликтов между политическими группами или внутри них. Приведем пример:

(6) Und sie haben gleichzeitig *einen Keil getrieben* zwischen die Demokraten im Thüringer Landtag und sie haben auch noch wieder *einen neuen Keil in die Bundes-CDU getrieben*, die sich jetzt gerade streitet, was die richtige Position ist und wo ein Daniel Günther gegen einen Friedrich Merz steht (Deutschlandfunk). / «Одновременно они посеяли раскол, вбив клин между демократами в ландтаге Тюрингии и в федеральной ХДС, которая сейчас находится в споре о правильном курсе, где с одной стороны выступает Даниэль Гюнтер, а с другой – Фридрих Мерц».

В примере (6) метафора острого орудия реализуется посредством фразеологического выражения *Keil treiben* – *вбивать клин, внести раскол*. Согласно словарю DWDS, словом *Keil* обозначается инструмент с острым краем для разделения или раскалывания: *der Keil dringt tief in das Holz ein* (клин глубоко проникает в древесину). Также это слово может употребляться в переносном смысле: *вбить клин* – *значит посеять раздор, создать непримиримые противоречия* (Словари и энциклопедии на Академике). В данном политическом контексте метафора колющего или рубящего предмета/инструмента описывает действия, направленные на усиление конфликтов, ослабление единства или подрыв стабильности внутри общества или внутри самой политической организации.

Аналогичная метафорическая конструкция встречается в немецкой прессе не только для описания внутренних политических расколов, но и как образное выражение внешнеполитических стратегий. Этот устойчивый образ актуализирует целенаправленные усилия по созданию расколов между государствами на международной арене. В немецких СМИ и аналитике подобная метафора подчёркивает манипулятивный характер действий, направленных на ослабление оппонентов и укрепление собственной позиции как во внутренней, так и во внешней политике. Так, в примерах (7) – (10) метафора клина в значении *посеять раздор, создавать противоречия, ссорить* широко применяется для описания сложных и напряжённых отношений между Россией и Европейским союзом в целом. Примечательно, что в публикациях часто фигурирует имя президента Российской Федерации Владимира Путина, чьи действия истолковываются как целенаправленные попытки *вбить клин* между европейскими государствами или международными политическими структурами. Целесообразно отметить, что метафора *вбивание клина* широко распространена в заголовках аналитических и новостных материалов, посвящённых международной политике. Приведем примеры:

(7) Wie die EU *einen Keil zwischen Putin und die Oligarchen treibt* (KURIER). / «Как ЕС вбивает клин между Путиным и финансовой элитой».

Данный заголовок иллюстрирует, что ЕС пытается использовать внутренние противоречия в России – между Путиным и финансовой элитой страны – чтобы усилить давление на российское руководство. Это отражает стратегию санкций и политического давления, направленную на ослабление влияния Кремля через внутренние конфликты элит.

(8) Putin *treibt Keil zwischen NATO-Länder* (Deutschlandfunk). / «Путин вбивает клин между странами НАТО».

Это еще один заголовок статьи, в котором подчёркивается, что Россия (через действия В. Путина) стремится посеять раздор внутри НАТО, ослабить единство западного военного блока в стратегической попытке дестабилизировать западные альянсы.

(9) Putin *treibt Keil zwischen Bulgariens Premier und Präsident* (Euractiv). / «Путин вбивает клин между премьер-министром и президентом Болгарии».

Во втором заголовке показано, что подобные методы раскола применяются и внутри отдельных стран – пример Болгарии, где между премьером и президентом возникают противоречия, что также может быть связано с влиянием Москвы или с её попытками ослабить политическую стабильность в странах ЕС и НАТО.

(10) Die westlichen Sanktionen sowie wirtschaftliche Anreize hätten erfolgreich *einen Keil* zwischen Moskau und einige seiner naheliegenden Handelspartner *getrieben* (Ntv). / «Западные санкции и экономические стимулы успешно вбили клин между Москвой и некоторыми её ближайшими торговыми партнёрами».

В немецкоязычном политическом дискурсе метафора *вбивания клина* – острого орудия, разрывающего единство, – используется не только для описания действий президента РФ и ЕС, но и в отношении стратегий президента США Дональда Трампа, председателя КНР Си Цзиньпина и других мировых лидеров, которые также стремятся посеять раздор и ослабить союзные связи (примеры 11-12):

(11) Trump *will einen Keil zwischen Russland und China treiben* (Die Tagespost). / «Траммп хочет вбить клин между Россией и Китаем».

(12) Xi Jinping ist zu Gast in Europa, zum ersten Mal seit fünf Jahren. Chinas Staatschef betritt den Alten Kontinent mit neuer Respektlosigkeit: In Frankreich *will er ganz offen einen Keil zwischen EU und USA treiben* (RND). / «Си Цзиньпин впервые за пять лет посещает Европу. Глава Китая въезжает в Старый Свет с новым чувством неуважения: во Франции он открыто хочет вбить клин между ЕС и США».

В примере (13) речь идёт об официальном визите федерального канцлера ФРГ Олафа Шольца в Китай:

(13) Im Kanzleramt sagt es keiner laut, aber letztlich geht es darum, *einen Keil in die chinesisch-russische Allianz zu treiben* – und dabei *ein höfliches Gesicht zu machen* (RND). / «Никто в Канцелярии не говорит об этом вслух, но в конечном счёте цель – вбить клин в китайско-российский альянс, сохраняя при этом вежливую мину».

В рамках данного контекста фраза *einen Keil in die chinesisch-russische Allianz zu treiben* также используется как метафора, обозначающая стратегическую цель разобщения или ослабления союза между Китаем и Россией. При этом подчёркивается, что действия осуществляются дипломатично (*ein höfliches Gesicht zu machen*), то есть с сохранением вежливого и корректного внешнего облика, несмотря на скрытые политические намерения.

Таким образом, метафора такого острого орудия, как клин, служащего для создания раскола и противоречий, подчёркивает динамику противостояния, при которой обе стороны используют «клинья» – инструменты разделения и давления – в попытках укрепить свои позиции и ослабить оппонента. Это свидетельствует о продолжающемся геополитическом конфликте, характеризующемся взаимным недоверием, санкциями и попытками влияния на внутренние дела друг друга.

Подводя итог, можно констатировать, что метафорика колюще-режущих и рубящих предметов/инструментов выступает распространённым и эффективным стилистическим инструментом в риторике немецких политиков и заголовках журналистских материалов, обеспечивая наглядное и ёмкое выражение концептов конфликта, давления и стратегического разделения, что способствует более глубокому восприятию и интерпретации политических дискурсов.

Заключение

Результаты исследования позволяют констатировать тот факт, что политический дискурс формируется как комплексное, многоаспектное явление, где метафорические конструкции играют существенную роль.

В условиях возрастания геополитической напряжённости и политических кризисов, а также на фоне военных конфликтов языковая практика отражает данные реалии посредством активного использования метафор, связанных с колющими, режущими и рубящими предметами и инструментами. Данные метафоры в современном немецком политическом дискурсе служат эффективным языковым средством для описания методов борьбы с клановой преступностью, для выражения идеи о целенаправленных, умеренных и контролируемых действиях, направленных на сохранение внимания к проблемам различных социальных конфликтов. Кроме того, метафоры острых предметов используются для обозначения актов агрессии и давления, а также процессов разделения, дестабилизации и стратегического разрыва.

Анализ языкового материала позволил сделать вывод, что в политическом дискурсе метафоры, ассоциируемые с колющими, режущими и рубящими объектами, дифференцируются по своим семантическим параметрам. Так, метафора укола *иглы/булавки* (*Politik der Nadelstiche*) актуализирует концепт точечного, постепенного и зачастую латентного воздействия, отражая стратегию поэтапного давления и подрыва. Образ *острого оружия – меча* (*scharfes Schwert*) выступает символом силы, категоричности и крайности правовых мер, а также инструментом решительного давления на политических оппонентов. Метафора *вбивания клина* (*Keil treiben*) символизирует процессы деструктивного разделения, внедрения разногласий и усиления поляризации в политических и социальных структурах. Таким образом, каждая из описанных метафор выполняет дифференцированную когнитивно-речевую функцию. Каждая из метафор помогает лучше понять и описать разные стороны политических конфликтов и стратегий, делая сложные процессы более понятными и наглядными.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно обозначить сравнительный межкультурный анализ использования подобных метафор в политических коммуникациях России и Германии, что позволит выявить универсальные и специфические когнитивно-речевые стратегии, отображающие характерные черты политических культур и коммуникационных практик этих стран.

Материалы исследования | Research materials

1. Словари и энциклопедии на Академике. <https://translate.academic.ru>
2. Deutschlandfunk. <https://www.deutschlandfunk.de>
3. Die Tagespost. <https://www.die-tagespost.de>
4. DWDS-Wörterbuch. <https://www.dwds.de>
5. Euractiv. <https://www.euractiv.de>
6. KURIER. <https://kurier.at>
7. Ministerium des Innern des Landes Nordrhein-Westfalen. <https://www.im.nrw>
8. Ntv. <https://www.n-tv.de>
9. RND. <https://www.rnd.de>
10. Statista. <https://www.statista.com>
11. Sudexpa. <https://sudexpa.ru>

Источники | References

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта; Наука, 2008.
3. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет филологической науки // Политическая наука. 2002. № 3.

4. Дреева Д. М., Кокоева А. Ф. Когнитивная метафора как способ реализации эмотивной функции языка в политическом дискурсе (на материале выступлений Дональда Трампа и Маргарет Тэтчер) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 11. <https://doi.org/10.30853/phil20240607>
5. Елизаров А. Б. Образный компонент метафоры в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В. В. Путина) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 5 (886).
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Кожемякин Е. А. Политический дискурс // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2010. № 1-2 (9-10).
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. Соболев И. Д., Юдин Н. О. «Штурмы» Капитолия в немецких интернет-СМИ как пример конфликтного политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 12. <https://doi.org/10.30853/phil20240686>
10. Сухомлина Т. А. Речевые стратегии современного политического англоязычного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil210289>
11. Трибунская Н. А. Процесс взаимодействия дискурсов в политической коммуникации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 3.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
13. Dijk T. van, Hacker K. Internet and Democracy in the Network Society. N. Y.: Routledge, 2018.
14. Michaels J. The Discourse Trap and the US Military. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
15. Schwarz-Friesel M. Metaphern und ihr persuasives Inferenzpotenzial: Konzeptualisierungen des islamistischen Terrorismus nach 9/11 im massenmedialen Diskurs // Metapher und Metonymie: Theoretische, methodische und empirische Zugänge / hrsg. von C. Spieß, K.-M. Köpcke. Berlin – München – Boston: De Gruyter (A), 2015. <https://doi.org/10.1515/9783110369120.143>

Информация об авторах | Author information

Паульзен Наталья Сергеевна¹, к. филол. н., доц.

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Natalja Sergeevna Paulsen¹, PhD

¹ Baikal State University, Irkutsk

¹ alla_po@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.08.2025; опубликовано online (published online): 28.08.2025.

Ключевые слова (keywords): политическая метафора; политический дискурс; метафорическая модель; стратегии политического воздействия; стратегии политического давления, конфликтов и процессов дестабилизации; political metaphor; political discourse; metaphorical model; strategies of political influence; strategies of political pressure, conflicts, and destabilization processes.